

- С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. – М.,1974; История советского крестьянства. – М.,1986; Очерки по истории Крыма. – Симферополь, 1964 и др.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Т.1. – М.,1970. – С.162–163.
 4. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т.31. – С.166.
 5. Атоян О.Н. Сельскохозяйственная кооперация Украины периода непа: проблемы политики и истории в литературе 20 начала 30-х гг: Дисс... канд. ист. наук. – Киев,1990; Бакуменко А.П. Здійснення нової економічної політики в Україні (1921–1925 рр.): Дис... канд. іст. Наук. – Київ,1992; Морозов А.Г. Кредитная сельскохозяйственная кооперация УССР в годы непа: Дисс. Док. Ист наук. – Киев, 1994; Лях С.Р. Наймана праця у сільському господарстві України в умовах непу. – К.,1990
 6. Центральный государственный архив Российской Федерации (ЦГА РФ). – Ф. 2313. – Оп.15.– Д.256.– Л.128.
 7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф.17. – Оп.13. – Д.502. – Л.60.
 8. Государственный архив Автономной республики Крым (ГААРК). – Ф.1. – Оп.1. – Д.138. – Л.20.
 9. ГААРК. – Ф.1. – Оп.1. – Д.138. – Л.20.
 10. Сборник важнейших постановлений и распоряжений ВЦИК VIII созыва, 1921. – С.126–127.
 11. ГААРК. – Ф.1. – Оп.1. – Д.138. – Л.20
 12. ГААРК. – Ф.1. – Оп.1. – Д.138. – Л.19–20.
 13. ЦГА РФ. – Ф.2313. – Оп.15. – Д.14. – Л.17–18.
 14. Известия Крымского обкома РКП (б). –1922. – №1. – С.1–4.
 15. ГААРК. – Ф.Р-30. – Оп.1. – Д.97. – Л.40–41.
 16. ГААРК. – Ф.Р-30. – Оп.1. – Д.268. – Л.10.
 17. ГААРК. – Ф.1. – Оп.1. – Д.373. – Л.108.
 18. ЦГА РФ. – Ф.2313. – Оп.13. – Д.148. – Л.9
 19. ГААРК. – Ф.Р-30. – Оп.1. – Д.18. – Л.118; – Д.310. – Л.1; – Оп.2. – Д.7. – Л.81.
 20. ГААРК. – Ф.1. – Оп.1.– Д.368. – Л.123.
 21. Там же. – Ф.Р-663. – Оп.1. – Д.435. – Л.8–12
 22. Красный Крым. – 1926. – 3 марта.

Деремедведь Е.Н.

КРЫМ ГЛАЗАМИ АНГЛИЙСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА Р. ЛАЙЕЛЛА

Актуальность темы. Характеристика Крыма, как и России в целом, в английской литературе путешествий XIX века сформировалась на основе реакционной геополитики и сложившихся отношений российской монархии с европейскими государствами.

Указанный период времени насыщен активным участием царского самодержавия в борьбе за передел сфер влияния в мире, стремлением правящей элиты к возможно более полной реализации собственно российских политических и экономических интересов на европейском пространстве. Конкурентами в данном соперничестве выступали Османская империя, Франция, Англия, Австро-Венгрия, Пруссия, которые были признанными лидерами в искусстве ведения войн, успешно использовали свое географическое положение в выработке национальных стратегий внешней политики.

При этом итогом Отечественной войны 1812 года стал сокрушительный разгром французской наполеоновской армии. Однако небывалое поражение российского флота в Крымской войне 1853-1856 г.г. и унижительные для России Парижские соглашения привели в последствии к утрате ее влияния в Причерноморском регионе и вынужденному переходу к “соглашательской” тактике ведения политического диалога с “заграницей” князем М. Горчаковым.

Поэтому, на наш взгляд, бесспорным будет утверждение о том, что Крым, как часть России того времени, воспринимался представителями различных слоев западного общества именно в контексте вышеназванных событий.

В тот достаточно сложный для империи период времени в Европе много писали и говорили о России, прежде всего, в журналистских и путевых очерках, где изначально российские образы представлялись в негативном свете.

Так, русские города в заметках европейских путешественников описывались как азиатское смешение языков и стилей, скученность базара, живущего по законам не города, но большой деревни, на границе - сплошные опасности: море и горы, ледяные и знойные пустыни, дикие племена и коварные разбойники.

Немаловажным представляется и то, что, описывая Россию, западные авторы высказывали порой парадоксальные мнения. Россия в записках многих путешественников и в некоторых официальных дипломатических донесениях выступала перед читателем почти сказочной страной, где практически нет естественного света - либо она скрыта тучами, либо отражается от снега или льда. Подчеркивалось, что в стране – мало городов и особенно мало дорог, а те, которые есть, разрушаются под действием непогоды. Кроме того, согласно западным описаниям, для России характерным являлось большое разнообразие языков, ей был присущ и весь диапазон известных климатических условий: от холодной стужи до нестерпимой жары. Кроме того, происхождение русских людей связывали со смешением кровей славян и туранских племен, то есть попросту их считали азиатами. Подтверждением тому служат строки, написанные в 1839 году французским путешественником маркизом де Кюстином. По его словам, нужно приехать в Россию, чтобы воочию увидеть результат этого ужасающего соединения европейского ума и науки с духом Азии.

Так создавался и культивировался на “цивилизованном” Западе образ России как варварской страны,

умело гипертрофированные литераторами негативные черты которой, то и дело, совершенно в ином свете преподносили объективную реальность происходивших в российской империи XIX века процессов. Это выражалось в тоне и отзывах всех европейских журналов, достаточно наглядно отражавших общественное мнение Европы.

Как писал знаменитый славянист А. Хомяков: “Поневоле родится чувство досады, поневоле спрашиваешь, на чем основана такая злость, чем мы ее заслужили? Ни разу - слова любви и братства, почти ни разу - слова правды и беспристрастия. Всегда один отзыв – насмешка и ругательство, всегда одно чувство – смешение страха с презрением” [1, с. 3]. Вероятно, все же европейцы того времени не могли не видеть высокого предназначения русского народа, “явившегося на старом театре мира” [2, с. 1]. Ведь, не будь Европа потрясена величием российской нации, не возникла бы острейшая русофобия, считали известные общественные деятели России.

Все те книги и статьи, единственным содержанием которых была хула на Россию, единственным достоинством – явно высказанная ненависть и страх перед ее безмерным могуществом, пользовались успехом не только у элитарных слоев европейского общества, но и у всей западной читательской аудитории, охватывавшей все большее количество населения благодаря развитию печатных средств массовой информации.

Образ Тавриды всегда был окутан поэтическим очарованием. Сюда постоянно стремились путешественники. *Цель статьи* – на примере дневниковых записей Роберта Лайелла разобраться, каким видели Крым иностранцы почти 200 лет назад, что поражало их воображение, чем они восхищались.

Отметим, что произведения таких путешественников и ученых как П.С. Паллас, леди Кравен, Мантандон, содержащие описание Крыма XVIII–XIX веков, переведены на русский язык и хорошо известны исследователям. Вместе с тем, существует множество подобных трудов о Крыме, которые до сих пор сохранены лишь на языке оригинала, ждут того времени, когда они смогут быть доступны широкому кругу читателей.

Ярким свидетельством тому является книга Роберта Лайелла (1790–1831) “Путешествие по России, Крыму, Кавказу и Греции”, идея написания которой возникла после совершенного им путешествия в 1822 году. Этот труд у Лайелла не является первым. К тому времени он уже написал и опубликовал несколько произведений о России, а именно: “Русский характер и подобная история Москвы”, “Отчет об организации, управлении и настоящем положении дел в военных колониях России”.

В 1822 году Лайелл, имевший научные степени по медицине и ботанике, обладал опытом проживания в России в течение нескольких лет, хорошо знал язык, обычаи и нравы этой страны. Вероятно, именно поэтому в качестве гида и доктора он был приглашен сопровождать итальянских аристократов – маркиза Пуччи и графа Салазара, а также англичанина Эдварда Пенрина – в их поездке по отдаленным южным провинциям Российской империи с последующим посещением Греции.

В пути Р. Лайелл вел записи, где подробно описывал города и села, нравы и обычаи местных жителей. Не удержался он и от критики административных порядков в России, засилья чиновников и повсеместной коррупции. Однако систематизировать свои путевые заметки англичанин смог лишь в 1825 году (книга была издана в Лондоне в двух томах), определив в качестве главной цели работы – необходимость осмыслить представления о России, то есть так называемый сложившийся стереотип на Западе, с учетом реалий того времени.

Характерно то, что император Александр I, по мнению Лайелла, негативно воспринял его труд. В частности, английский автор отмечает: “Император Александр выразил свое неодобрение моей книге и сказал, что она враждебна по отношению к России, направлена против ее правительства и против всей русской нации” [3, с. 7] (здесь и далее - перевод автора).

Вместе с тем, у Р. Лайелла на этот счет существовала другая точка зрения. Цель своей книги он формулирует в предисловии: “Я стремился всеми силами быть справедливым по отношению к русским. Я смело рассказал об их недостатках, их заблуждениях и их пороках, но все же не скрывал своего уважения к их достоинствам или их хорошим качествам” [3, с. 10].

Несмотря на то, что Крым являлся лишь промежуточным звеном на пути Лайелла и его спутников, на полуострове они пробыли достаточно долго – с апреля по август 1822 года, что позволило англичанину подробно и наглядно изобразить крымскую действительность первой четверти XIX века.

Сочинение интересно тем, что передает колорит эпохи (первой четверти XIX века), а также в деталях воссоздает картину тех мест, которые посетил автор.

Привлекает внимание жанровое своеобразие книги Р. Лайелла. Труд этот представляет собой яркие путевые заметки и относится к весьма распространенному в XVIII–XIX вв. жанру “путешествий”. Его сочинение делится на главы, которые предваряются кратким перечнем тех мест, которые описывал в данной главе автор. “Путешествия” Р. Лайелла состоят из двух томов. В первом томе предлагается описание Крыма.

Детальный анализ произведения позволяет отметить, что в тексте путешествия содержится очень мало автобиографических сведений. Образ автора в нем – это, скорее, образ типичного представителя своей страны и своего времени. В каждой строке работы Лайелла прослеживается его личное отношение к России, сформированное под влиянием давно сложившегося в Европе стереотипа Российской империи. Именно эта точка зрения предопределяет всю структуру “путешествия”, его сюжет, отбор материала и его оценку. Надо сказать, что Лайелл отправился в путь не в качестве простого созерцателя, но владеющим необходимой для этого информацией. К своему путешествию он основательно подготовился: предварительно прочитал лучшие русские и зарубежные отчеты о стране, городах и деревнях, которые он собирал-

ся посетить. Он изучил труды, освещающие историческое прошлое указанных мест, не забывая об особенностях флоры и фауны, а также быте и традициях местных жителей.

Кроме того, на страницах своей книги он давал советы тем будущим путешественникам, которые лишь собирались посетить Крым, и рекомендовал им запастись работами Страбона, Палласа, Кларка, а также Мери Холдернесс, приобрести “большую и великолепную карту этого полуострова, которая была опубликована в издательстве Depot de Carte в Петербурге” [3, с. 296]. Безусловно, сам Лайелл был хорошо знаком с отчетами упомянутых путешественников.

Доказательством тому могут служить неоднократные ссылки на таких знаменитых исследователей XIX века, как П.С. Паллас и доктор Кларк. Описывая Крым, Лайелл постоянно цитирует этих двух авторов: “С точки зрения литературного толкования, Бахчисарай означает “дворец-сад”, и был он прежде столицей Крыма... Бахчисарай – единственный город, который расположен в узкой долине, или, как говорит доктор Кларк, “на отвесных склонах изумительной природной впадины, между двумя высокими горами; пейзаж, напоминающий, что-то вроде Метлока в Дербишире” [3, с. 260]. Изображая плодородную Судакскую долину, Р. Лайелл полагается на слова Палласа: “Почва здесь белесая и глинистая. Виноградники и рощи смешиваются с прекрасными тополями, которых так много по обеим сторонам дороги. Деревенские усадьбы землевладельцев – высотой в один-два этажа, побеленные и крытые черепицей, построены в европейском стиле; они во многом оживляют эту восхитительную долину, которую с такой подробностью описывал Паллас” [3, с. 337].

Время от времени Р. Лайелл указывает людей, через имения которых пролегает его путь и отмечает их гостеприимство. Это – адмирал Бэйли (выходец из Ливерпуля), которого они посетили в Севастополе, полковник Стидж из Кучук-Узень и другие. В целом, путешествуя по Крыму, он общается с выходцами из Германии, Англии, Франции, которые в лице России обрели вторую родину. Необходимо отметить, что, хотя эти люди прожили долгое время в России – 20–30 лет, – все же их западноевропейский менталитет не позволяет им относиться к русским как к равноценной нации. В их репликах заметны легкие пренебрежение и презрение по отношению к славянам. Именно они во многом способствуют формированию характеристики Крыма у Лайелла и его спутников. В их имениях путешественники находят радушный прием и получают необходимую информацию. Особенно интересуют англичанина сведения этнографического характера.

Образ Крыма в “Путешествиях” Лайелла заключает в себе пересечение, столкновение и ассимиляцию целого ряда национальных культур. Среди них особый интерес для автора представляет восточная экзотика: характер местных жителей, их обычаи, быт и верования. Несмотря на то, что к 1822 году Крым уже почти сорок лет находился во владении России, он все еще хранил в себе яркие черты Востока.

Путешественник знакомит читателей с красочной топонимикой и гидронимикой Крыма, объясняя значение названия каждого города, деревни, горы или реки в переводе с татарского, греческого или тюркского языков. В разных местах он отмечает: “В литературном переводе Бахчисарай означает дворец-сад” или “Инкерман означает город пещер”. “Не успели мы вброд перейти реку Карасу (черная вода), как сразу же очутились среди узких, неровных, извилистых, грязных и убогих улиц...”.

Для придания описанию эффекта местного колорита Р. Лайелл широко использует реалии-ориентализмы: эфенди, хан, мулла, кальян, хаджи, калга-султан, крымский хан, Тамерлан, Святой Климент, Золотая Орда, Митридат, Суворов – все это свидетельства пересечений в Крыму азиатской и европейской, христианской и мусульманской культур.

Для Лайелла характерно трезвое и ироничное отношение к романтическому восприятию. Он разрушает романтический восточный колорит и заменяет его реалистичным, используя скрупулезный анализ, а также прибегает к некоторому изменению стиля. Общий тон описаний автора вдруг становится возвышенным, изобилует сильными и красочными эпитетами, однако за этим неизбежно следует разоблачение, возвращение к земной действительности.

Данную закономерность можно наглядно проследить на примере описания Р. Лайеллом древней столицы Крымского ханства. “Мы медленно продвигались вперед, во мрак, который настиг нас внезапно, что во многом способствовало созданию такого впечатляющего зрелища как показавшиеся вдали освещенные минареты Бахчисарая” [3, с. 255], – с восторгом отмечает он. Далее следует описание Бахчисарая с характерными деталями, присущими восточным городам: “Бесчисленные минареты мечетей, древний дворец с примыкающими к нему мавзолеями и множество выбеленных дымоходов, возвышающихся среди роскошной зеленой растительности, придают городу особенно прекрасный и живописный вид, который невозможно описать словами...” [3, с. 260]. Этому эффекту способствует и то, что Бахчисарай расположен в обрамлении восхитительной природы. Р. Лайелл продолжает свое описание: “Город пересекает река Чурук-Су (Гнилая вода), дома гнездятся на террасах вдоль склонов холмов один над другим, чередуясь с садами, виноградниками, рощами, что типично для Ломбардии, их поливают благодаря многочисленным фонтанам и каналам, которые берут свое начало где-то среди близлежащих гор” [3, с. 260]. И вдруг романтически переданный восточный колорит неожиданно разрушается реальным описанием действительности. В ансамбле с роскошной природой древний город выступал перед иностранцем как изумительное зрелище, но как только путешественники подъехали ближе – очарование исчезло как по мановению волшебной палочки. Англичанин неумолим в своей оценке: “Бахчисарай – захудалый город. Улицы – узкие, извилистые и грязные. Дома – в основном, небольшие по размеру, а большинство аккуратных выбеленных дымоходов, которые татары, кажется, считают прекрасным архитектурным украшением, не используются по назначению. Ряды торговых лавок вдоль обеих сторон главной улицы чрезвычайно неприглядны на вид” [3, с. 261].

В первой половине XIX века Бахчисарай воспринимался в качестве главного города Крыма. Именно

здесь путешественники становились свидетелями слияния культур мусульманского и христианского мира. Весь Крым, в какой-то мере, воспринимался именно в этом аспекте. Причем взгляд этот был характерным для европейцев в их понимании русской культуры и русского характера вообще. Известно, что на Западе считали русский народ “не совсем славянским этносом”, а со “значительной примесью тюркской крови”. Поэтому очень часто можно было встретить в иностранной литературе следующие понятия: “азиаты”, “скифы” (скифы – ираноязычные племена, проживавшие в Крыму во времена античности и раннего средневековья), которыми часто именовался весь русский народ.

Крым XIX века был именно тем местом, где наиболее ярко и наглядно прослеживалось мирное сосуществование ислама и христианства, представленного различными ответвлениями церквей, в том числе иудаистской, которые в пределах сравнительно малой территории обогащали и дополняли друг друга. Р. Лайелл отмечал, что характерной чертой любого крымского города являются различные культовые сооружения, свидетельствующие о вероисповедании населения.

Так, проехав Перекоп, путешественники очутились в расположенном от него в четырех верстах селе Армянский базар. Р. Лайелл пишет: “Это очень большая деревня и состоит она из многочисленных узких переулков, среди которых поднимаются ввысь мечети с деревянными минаретами, греческий храм и греческая православная церковь. Здесь молятся татары, армяне и русские, составляющие население (Армянского базара)” [3, с. 227]. Ислам и христианство – совсем рядом. То же явление он прослеживает и в других городах и деревнях полуострова.

В разговоре с татарами Р. Лайелл узнает, что они читают не только Коран, но и хорошо осведомлены об основных постулатах православной и иудейской веры, относясь к ним с уважением. “Во время длительной беседы он (Осман) говорил об Аврааме, Исааке и Иисусе Христе, а также Мухамеде (которого он называл Мамбет), как о великих пророках и с большим почтением” [3, с. 232], – с удивлением отмечает он.

Даже христианская церковь представлена в Крыму различными конфессиями. Р. Лайелл неоднократно посещал и осматривал греческие и армянские церкви, не удержался он и от посещения мечети. В деревне Ускут, в которой путешественники остановились на ночлег, их привлекли многочисленные огни, горевшие в татарской мечети. Р. Лайелл так описывает свое посещение: “Это здание прямоугольной формы, и в нескольких футах от двери его пересекает ограда. Отгороженное пространство служит крыльцом, где верующие оставляют свои башмаки или комнатные туфли. Я снял ботинки и обошел вокруг мечети с целью рассмотреть вблизи некоторые мусульманские росписи и надписи на стенах. В галерее, отделенной узорной решеткой, молятся женщины. Невозможно не заметить сходство этой мечети с еврейской синагогой в Чуфут-Кале” [3, с. 323]. Лайелла поразила торжественная тишина в мечети во время чтения Корана и истовые поклоны татар до земли. Совместные движения верующих, их точность и быстрота напояли ему маневры пехоты.

Наблюдая за жизнью в Крыму, Лайелл отмечает такой важный фактор как ассимиляция в быте и нравах местных жителей. Это проявлялось в некотором сходстве их жилищ, национальной кухни, одежды и т.д. “Прожив с незапамятных времен под властью татар, караимские евреи из Чуфут-Кале почти полностью переняли их одежду, их язык и их обычаи” [3, с. 267], – отмечает англичанин.

При этом Лайелл со своими спутниками дважды посетил Чуфут-Кале. Он еще раз отметил контраст между скромным на вид поселением и роскошной природой, окружающей его.

В XV веке хан Хаджи-Гирей перенес ставку из Солхата в Чуфут-Кале, который тогда носил название Кырк-Ор. Город представлял собой неприступную крепость на горном плато с мощными оборонительными стенами и башнями. Это как раз то место, где крымские ханы могли считать себя в безопасности от заговоров и интриг беев во времена бесконечных феодальных смут. В начале XIX века в Чуфут-Кале проживали караимы, которые остались в нем после того, как Бахчисарай стал столицей ханства, и татары покинули город. С тех пор его стали называть Чуфут-Кале, что значит “иудейская крепость”. От былого величия ничего не осталось, только небольшое поселение караимов, которое, однако, совершенно не впечатлило англичанина. Вот как он описывает Чуфут-Кале: “Он находится на обрывистой треугольной скале между двумя глубокими ущельями и защищен с двух сторон, если можно так сказать, естественными стенами, тогда как его подножье соединяется с соседним холмом на севере. Улицы – узкие и неровные, но чистые; голый булыжник образует своеобразную мостовую. Некоторые из них имеют тротуары для удобства обитателей – изысканность, которую мы никак не ожидали встретить в подобном месте. Дома местных жителей, а их насчитывается около 200, напоминают татарские, окружены высокими стенами и построены из грубых известняковых глыб, соединенных между собой с помощью глины, и снаружи выглядят довольно убого” [3, с. 265].

Как уже указывалось, в своей поездке по Крыму Р. Лайелл пользовался гостеприимством многих людей, в основном выходцев из европейских стран. Однако упоминает он и своего старого друга Султан Кати Гирей Крым-Гирей. Многие знали его как Александра Ивановича Крым-Гирей. Кати-Гирей было его прежнее магометанское имя, а Александром был он наречен после крещения в Каррасе в 1807 году. Автор знакомит читателей с необычной судьбой этого человека, который был известен в Британии. Он был родом из закубанцев, поколения бывшего крымского хана Гази-Гирей. Под влиянием живших там шотландских миссионеров принял христианскую веру, затем уехал учиться в Петербург, где ему и был представлен Р. Лайелл. В Москве он часто бывал в доме англичанина. Султан продолжил свое обучение в университете Эдинбурга, где жил несколько лет. Там он женился на дочери богатого британца. Отец девушки был против этого брака, но ничего не смог сделать, кроме того, как лишить ее наследства. Вместе с мужем она покинула родной Эдинбург, чтобы поселиться с ним в Крыму. Ее звали Анна Яковлевна Крым-Гирей

(урожденная Нейльсон). Их дом и вся обстановка живо напомнили Р. Лайеллу о родной стране. “В Симферополе его дом был устроен в английском стиле, почти каждая вещь внутри, которую можно было поднять, была британского производства, а в доме господствовали исключительно британские традиции и манеры” [3, с. 238], – с восторгом пишет он.

Интересно, что в Британии Султан Кати Гирей Крым-Гирей получил образование миссионера и в Крыму вел широкую пропаганду христианства среди крымских татар. “Он стремится быть полезным в деле обращения крымских татар в христианскую веру, и если британские общества поддержат его, он откроет большую школу для обучения татарской молодежи” [3, с. 239], – информирует читателей Р. Лайелл.

Р. Лайелл видит в Крыму признаки ассимиляции Европы и Востока. И ассимиляция эта происходит не только в области культуры и религии, но и в быту и нравах местных жителей. Автор замечает, что крымские татары постепенно перенимают европейские манеры русского населения: “Татары сейчас начинают ассимилироваться с русскими, а представители их высшего сословия сидят на стульях и во время еды пользуются ножами и вилками, вместо того, чтобы сидеть по-турецки на низеньких диванах и есть руками” [3, с. 244]. Вместе с тем, европейское влияние, по мнению англичанина, не просвещает, а развращает местных жителей. Р. Лайелл говорит о том, что все татары знают несколько слов по-русски, а именно “деньги” и “на водку”. Русский алкогольный напиток встречался путешественникам у караимов, татар и русских. Кроме этого, англичанин отмечает, что татары переняли у русских их способы и методы ведения коммерции, а сам автор - невысокого мнения о деловой этике последних: “Татары стали сведущи в искусстве жюльничества благодаря системе сделок, которая господствует среди русских купцов”.

Только несколько тем были способны отвлечь Р. Лайелла от политических оценок. Это – красота южной природы и конечно национальная кухня.

Как и любой путешественник, Лайелл интересовался национальной кухней той местности, где находился. Часто на страницах книги он делится своими гастрономическими впечатлениями, отмечая, что на одном столе могут стоять блюда разных народов. Но характерный атрибут любого стола, по его словам, – водка. В доме еврейского раввина из Чуфут-Кале их встретили любезно: “Тем не менее, он (раввин) хорошо принял нас, и заказал водку, в то время как хлеб и засахаренные лепестки роз уже были на столе” [3, с. 266]. Здесь же, в Чуфут-Кале, путешественников пригласил посетить свой дом один из самых богатых купцов, чей стол имел более разнообразное меню, чем у раввина. Им предложили отведать караимские и татарские блюда, которые они нашли довольно вкусными. “Мы сидели вокруг низкого стола и нас угощали водкой, засахаренными розовыми лепестками, хлебом; вино было в изобилии, на столе – шарики из бараньего фарша, завернутые в виноградные листья, пирожки из баранины и т.д.” [3, с. 270].

С большим интересом Лайелл относится к колоритным деталям жизни народов Крыма. Кофе по-турецки, кальян – все это ассоциируется у европейца с Востоком, поэтому он не смог удержаться от посещения кофейни. В то время кофейня была одним из популярных мест, где собиралось мужское население Крыма. Там они отдыхали, слушали музыкантов, общались и обсуждали свои дела. Движимые любопытством и желанием познакомиться с местными традициями как бы изнутри, Лайелл и его спутники посетили такую кофейню в Симферополе, расположенную в старой части города, в Ак-Мечети. Англичанин детально описывает интерьер этого заведения и отмечает, что греки и татары довольно долгое время жили вместе, имеют сходство в национальных костюмах, обычаях и восприятии действительности. Он пишет: “Одна большая комната была разделена на четыре маленьких отделения низкими деревянными перегородками с украшенными перилами, пол в них был приподнят на несколько дюймов над уровнем прохода. В каждом из этих отделений стоял низенький стол, на котором возвышался огромный поднос с горящим древесным углем, а вокруг него – группы татар и греков, сидевших по-турецки на полу в своих национальных костюмах, попивали кофе со свойственной им природной серьезностью и молчаливостью и курили трубки. Очевидно, они совсем не обращали внимания на грохот музыкантов, словно были в уединенной пустыне.

Все они были в широких красных и желтых сапогах в восточном стиле; свои комнатные туфли, которые они носят по той же самой причине, по какой дамы в Великобритании используют деревянные башмаки для ходьбы по грязи, они оставляют у входа. На головах у них – маленькие шапочки, у всех, кроме хаджи или тех, кто совершил паломничество в Мекку или Медину. Головы последних украшали высокие белоснежные тюрбаны, что-то вроде почетных повязок.

Хотя татары и греки проявляют большое равнодушие к увеселениям, все же у них есть некая склонность к подобным вещам, ибо хозяин заведения считает выгодным для себя часто приглашать музыкантов” [3, с. 245].

Простор для этнографических исследований у англичанина был неимоверно широк. Особо его интересуют легендарные крымские татары, которые некогда были столь могущественными, что много столетий совершали набеги на соседние земли, оставляя за собой руины и опустошение. По мнению Р. Лайелла, они утратили свое былое влияние на полуострове. Он философски рассуждал об изменчивости и непостоянстве всего в этом мире. Наблюдая за татарами, он отмечал, что они чрезвычайно любезны и общительны, а основные черты их характера – учтивость и безобидность. Представленный образ не соответствовал существовавшим представлениям о крымских татарах, которые в Европе слыли “гордыми, надменными и свирепыми”.

Помимо этого, Лайелл размышлял о причинах изменения национального характера народа на протяжении XV-XVIII веков, выделяя основную – политическую. И хотя англичанин большую часть своего сочинения посвящает описанию великолепной природы страны, достопримечательностей жизни местного населения, однако он все же не может остаться в стороне от факта присоединения Крыма к России и превращения последней в мощную морскую державу. Как истинный англичанин, Р. Лайелл не в силах этого

принять, чем обусловлена его резкая оценка сложившейся в Крыму ситуации. “Но дни Золотой Орды безвозвратно ушли”, – отмечает он, – “прежние хозяева очутились в зависимости от тех, кого они некогда попирали. Вероятно, они хотели бы вернуть свое господствующее положение и сбросить ярмо, будь у них хоть маленькая надежда на успех. Бдительность России, сложные события в Порте и развитие дел в Европе являются малоутешительными в их теперешнем положении” [3, с. 219].

Р. Лайелл задумывался о доле крымских татар, волею судьбы попавших под власть Российской империи. Англичанин отмечал, что татары уже не похожи на своих грозных и свирепых предков. Он отдавал должное терпимости и великодушию императора Александра I, который, по мнению Лайелла, делал все, чтобы помочь своим подданным достичь национального самосознания. Вот как он описывал национальную политику Александра I: “Нынешнее поколение татар в значительной степени отличается от своих предков, и 40 лет подчинения, зависимости и угнетения способствовало ослаблению, если не искоренению, всех самых высоких чувств и принципов дикой жизни без их замены на благотворное влияние знаний, цивилизации или религии. Со времени царствования Александра, и нужно искренне признать этот факт, предпринимался ряд мер для того, чтобы сделать ношу деспотизма для его крымских подданных менее ощутимой, и как мы увидим со временем, с целью просвещать и развивать их сознание. В действительности Александра нужно не обвинять, а хвалить за управление Россией, говоря в целом. И хотя он мудро медлил с освобождением своих подданных, оставляя это на долю своих последователей и ожидая того времени, когда русские сами объявят о свободе, он последовательно проводил политику поощрения и расширения системы образования, литературы и религии в самых отдаленных уголках своей большой территории. Если он и проявил небрежность к какому-либо значительному предприятию в своей империи, то это, несомненно, отправление правосудия...” [3, с. 236].

В то время как крымские татары подвергались угнетению, их ущемляли в правах, насаждали чуждые им обычаи, Лайелл – англичанин, как приверженец монархии, не склонен винить в этом российского императора. Он неоднократно повторяет, что неведение верховной власти бесчестно пользовались чиновники на местах, искажая или вовсе не исполняя высочайшие повеления. А в таких отдаленных провинциях империи, как Крым, эти явления принимали повсеместный и особо уродливый характер. Например, он пишет: “Вместе с тем, я не собираюсь утверждать, что настоящее правительство проводит политику угнетения посредством своих указов или характером своего правления, которое предопределяет отношение к татарам. Наоборот, его характеризует мягкость и снисходительность: это позволяет местному населению пользоваться многочисленными привилегиями, в которых отказано самим русским. Но беда в том, что каковы бы ни были намерения монарха, та самая система взяточничества и коррупции, характеризующая гражданское правление в истинной России, в значительной степени или даже более преобладает в зарубежных провинциях этой империи, где частично или повсеместно судьи и люди у власти – исключительно русские. Так это и в Крыму, и в Грузии. Вследствие всеобщего искажения правосудия, монархи России, несмотря на щедрость и искренность своих намерений, всецело введены в заблуждение на счет их исполнения” [3, с. 320].

Изучая многочисленные народы Крыма, Р. Лайелл неоднократно пишет о демографической проблеме на полуострове. Некогда густо населенный край обезлюдел, опустели многие города и поселки. Это было связано, в первую очередь, с внутренней политикой самодержавия на полуострове.

После присоединения Крыма к России правительство пыталось расположить к себе новых подданных. Крымско-татарская знать была приравнена к российскому дворянству. С 1796 года крымские татары освобождались от рекрутской повинности и военного постоя. Мусульманское духовенство навсегда освобождалось от уплаты податей. В начале XIX века была подтверждена личная свобода крымско-татарского крестьянства, этого были лишены русские. Но даже эти меры не смогли предотвратить иммиграцию части населения в Турцию, с которой крымских татар связывали многовековые экономические, культурные и, особенно, религиозные связи. В результате иммиграции резко сократилось сельское и городское население полуострова, а это, в свою очередь, негативно отразилось на экономике [4, с. 220-221].

Р. Лайелл упоминает о первой волне миграции еще до вхождения Крыма в состав России, а именно о переселении армян и греков из Крыма на берега Азовского моря. Это произошло в 1778 году, когда Крымское ханство было объявлено независимым от Турции. С целью подорвать экономику слабеющего ханства, по приказу Екатерины все христианское население, которое составляло торгово-промышленное ядро полуострова, было вывезено из Крыма на Российскую территорию, где армяне и греки образовали свои колонии. Р. Лайелл рисует следующую картину: “после мирного договора между турками и русскими более чем 3000 христиан: греки и армяне, издавна проживавшие в Крыму, а среди них большинство купцов и ремесленников, были вывезены в Приазовье, где они образовали новые колонии Нахичиван и Ростов между Доном и Бердой. Но самая большая волна эмиграции среди местных жителей прокатилась в период 1785 – 1788 г.г., после захвата Крыма русскими. Тысячи и тысячи, продав свое имущество за гроши, отравились в провинции Турции...” [3, с. 345].

Р. Лайелл отмечает, что около 50 лет назад примерно в 70-е годы XVIII века в Крыму насчитывалось около полутора миллиона человек, причем 45–50 тысяч из них готовы были в случае вооруженного конфликта встать под ружье. Принимая во внимание, что между Россией и Турцией шла непрерывная борьба за обладание таким значимым в стратегическом отношении полуостровом, это было немаловажным. Англичанин приводит разные статистические данные о численности населения в Крыму, полагая, что в тот период времени количество жителей полуострова не превышало 280 тысяч человек.

Наверняка, Р. Лайелл был хорошо осведомлен о напряженной политической ситуации в отношении Крыма, о неприятии западноевропейскими странами того факта, что Россия теперь владеет Крымом и

имеет широкий доступ к Черному морю. Как типичного носителя европейской цивилизации и европейского менталитета, Р. Лайелла это не устраивает, его страшит одна только мысль о возможном превращении чуждой его пониманию империи в мощную морскую державу, какой до сих пор являлась гордая Англия, которая уже несколько столетий несла так называемое “бремя белого человека”. Поэтому англичанин предвидел с удивительной точностью события, которые произошли на полуострове только через 32 года, после посещения им Крыма. Можно утверждать, что Р. Лайелл точно предсказал участников и, главное, причину Крымской войны 1854–1856 гг. Вот, что он пишет: “... сей полуостров, вероятно, станет театром военных действий, если вдруг вспыхнет война между Турцией в союзе с каким-нибудь значительным европейским государством и Россией, особенно в том случае, стань Россия морской силой” [3, с. 347].

Уже тогда в воздухе витал запах войны, очевидно, она была неизбежна. Причина ее заключалась в том, что Россия во многом благодаря Крыму стала влиятельной морской державой, с сильным военным флотом и основной базой в Севастополе. Чтобы ослабить российское влияние и лишить империю доступа к Черному морю, была развязана Восточная или Крымская война, в кровавой мясорубке которой погибло около 150 тысяч русских и столько же англо-французских воинов, чьи многочисленные могилы разбросаны по крымской земле.

“На войне как на войне” – мог бы быть ответ на мои раздумья”, – писала английская путешественница Тереза Грей, посетившая Крым в 1869 году и побывавшая в разрушенном Севастополе, – “как мне и было сказано, когда я осмелилась высказать их вслух. Поэтому я полагаю, что так будет всегда, пока нации не перестанут разрешать свои конфликты с помощью ужасного и, по моему мнению, нехристианского способа – посредством войны” [5, с. 189].

Однако об этом аспекте крымской истории повествуют книги других иностранных путешественников, ждущие своего времени на полках научной библиотеки “Таврика” им. А.Х. Стевена Крымского республиканского краеведческого музея, чьи фонды хранят более 2,5 тысяч книг на французском, английском и других языках.

Таким образом, в ходе исследования были выявлены основные элементы, характеризующие повествовательное описание, сделанное Робертом Лайеллом в первой четверти XIX века. С одной стороны – глубокая объективная оценка крымских реалий с отображением местного колорита, с другой – стремление к научности и основательности. Путевые заметки англичанина интересны философскими размышлениями, историческими экскурсами и пейзажными зарисовками. Указанные составляющие способствовали формированию яркого и живого образа Крыма, увиденного Р. Лайеллом более 180 лет назад.

Источники и литература

1. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. – М., 1878.
2. Бердяев Н.А., Русская идея. О России и русской философской культуре. – М., 1990.
3. Robert Lyall, Travels in Russia, the Crimea, the Caucasus and Georgia. – London: T. Cadell, 1825 V. II
4. Дюличев В.П. Рассказы по истории Крыма. – Симферополь “Бизнес-информ”, 1998. – 288 с.
5. Journal of a visit to Egypt, Constantinople, the Crimea, Greece in the suite of the prince and princess of Wales by the Hon Mrs. William Grey, London: Smith, Elder & Co, 15, Waterloo Place, 1869. – 203 с.

Задерейчук И.А.

ЖЕНСКИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ В МЕННОНИТСКИХ КОЛОНИЯХ ЮГА УКРАИНЫ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Актуальность. При переселении на территорию юга Украины меннониты, кроме всего прочего, принесли с собой и свою школу. Одной из главных ее особенностей было обязательное обучение мужчин и женщин, что обеспечивало впоследствии высокий процент грамотности среди меннонитского населения. Несмотря на это, в конце XIX в. возникают идеи об основании специальных училищ для девушек, где бы они получали более углубленные знания, как по общим дисциплинам, так и по специальным, в основном по рукоделию.

Тема развития просвещения среди женского населения меннонитского вероисповедания не нашла всестороннего освещения в исторической литературе. Лишь в годы независимости Украины на страницах научных журналов появились отдельные статьи, в которых штрихом упоминаются меннонитские женские училища. Среди авторов следует назвать И.М. Кулиничу [1], В.Ю. Ганкевича [2], работы которых были посвящены общим вопросам развития германоязычной этнической группы и немецких учебных заведений на юге Украины и в Крыму.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы выявить учебные заведения для женского населения меннонитского вероисповедания. **Главная задача** состоит в установлении причин создания училищ данного типа; выявлении того, как происходило их развитие и финансирование, а так же необходимо уделить внимание дальнейшей судьбе выпускниц. При этом вопросы более глубокого анализа педагогического процесса останутся в стороне исследования.

Первое учебное заведение для девушек-меннониток было открыто в 1888 г. Поводом послужило заявление Генриха Франца от 2 октября 1888 г., в котором излагалось желание открыть в селении Ней-Гальштадт Бердянского уезда Таврической губернии элементарное женское училище с программой меннонитских церковных школ [3, л. 28 – 28 (об)]. Причиной открытия стало то обстоятельство, что семейство Францев имело дочь школьного возраста, и родители пожелали создать для нее специальное частное училище. Данную идею поддержало еще несколько зажиточных родителей, которые также имели дочерей